

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Призюка Виталия Ярославовича
«Род Строгановых в культурной политике и практиках публичной
истории Пермского Прикамья на рубеже XX – XXI веков»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
5.6.1. - отечественная история (исторические науки)

В современной исторической науке актуальным является всестороннее и комплексное изучение проблем осмысления историко-культурного наследия, а также поиск новых подходов к его актуализации в научно-практическом ключе, в частности, исследования в сфере коммеморации и публичной истории. Это перспективное, междисциплинарное научное направление. Избранная В.Я. Призюком область исследования – историческое наследие рода Строгановых в Пермском Прикамье в социально-культурных практиках современности – вполне отвечает указанному исследовательскому тренду. Перед автором стояла чрезвычайно актуальная и в то же время весьма сложная задача – дать содержательную характеристику практике культурной политики и публичной истории, сложившейся на рубеже XX–XXI вв., оставаясь при этом на почве исторического (а не, например, социологического либо культурологического) анализа. Отметим, что с этой задачей автор в целом справился успешно: В.Я. Призюку удалось дать объемную, насыщенную картину актуального состояния строгановского исторического наследия, проанализировать весьма широкий спектр подходов к его актуализации, и в то же время рассмотреть сам этот «строгановский проект» как продукт исторического развития, выявить внутреннюю обусловленность его структуры, предложить содержательную историко-географическую характеристику.

Диссертация имеет суммарный объем 238 страниц, включая 12 приложений, являющиеся важной частью работы – сюда включены авторские

таблицы и разработки, картографические и полевые материалы. Работа грамотно организована в структурном отношении. Во введении к работе приведены конституирующие элементы исследования – сформулированы цели и задачи, охарактеризована источниковая база, кратко очерчены методологические принципы диссертационной работы. Отдельно надо отметить грамотный, емкий и весьма содержательный историографический очерк.

Для своего исследования автор привлек репрезентативную источниковую базу, сочетающую традиционные для исторических штудий архивные материалы, нормативно-правовые акты и материалы прессы, с полученными при посредстве интернет-приложения и онлайн-сервиса эмпирическими данными. Отдельно следует отметить данные авторских интервью, охватывающие широкий круг экспертов, а также данные авторского опроса. Впечатляет и географический охват: соискателю в результате экспертных интервью, опроса, а также собранных полевых материалов с обширной части территории Пермского края, включающей множество населенных пунктов таких как Усолье, Орел, Пыскор, Ильинский, Очер, Добрянка и многие другие.

Глава 1 «Историческое конструирование строгановского Прикамья» посвящена выявлению исторической и культурной специфики наследия строгановских вотчин. Здесь вводится и одно из ключевых для исследования понятий – «строгановский проект». Хотя в методологическом понятии здесь есть, с чем поспорить, оппонент все же считает понятие строгановского проекта удачной концептуальной находкой автора диссертации. Автор выделяет следующие группы практик публичной истории, в рамках которых «строгановский проект» находит свое практическое воплощение: музейные практики, практики реконструкции, историко-туристические события, исторические проекты, визуальные и аудиальные форматы (кинематограф). В параграфе 1.1. автор дает сжатый очерк истории «строгановской империи». Для того, чтобы обозначить границы этого феномена, В.Я. Призюк ссылается

на авторитетное мнение историка В.В. Мухина, считавшего, что «строгановский регион» включает в себя не только пространство, непосредственно входившее в состав строгановских владений, но и вотчины других влиятельных уральских заводчиков, в том числе Шуваловых, Лазаревых, Всеволожских и иных, а также оказывает могущественное влияние на старые города, не входившие в состав «строгановской империи» – такие, как Соликамск, Кунгур, Чердынь. В параграфе 1.2. автор предлагает пространную характеристику «местам памяти» Строгановых в географическом аспекте, анализирует совокупность упоминаний о Строгановых в сети Интернет.

В главе 2 «Строгановское Прикамье как историко-культурное явление в коллективной памяти жителей Пермского края и концепт в практиках публичной истории» автор рассматривает совокупность актуальных представлений об исторической роли рода Строгановых – в том виде, как она сложилась в 1990-х – 2010-х гг. В параграфе 2.1. анализируются собранные автором интервью, позволяющие рассмотреть сложившиеся в среде прикамской интеллигенции представления о Строгановых (19 экспертных интервью, главным образом с культурными деятелями и общественниками Пермского края), а также материалы ряда опросов, проведенных автором и затрагивающих более широкий круг жителей Пермского края (744 анкеты). Параграф 2.2. посвящен практикам публичной истории, реализуемым на территории Пермского края в постсоветское тридцатилетие.

В главе 3 «Род Строгановых в культурной политике: федеральный и региональный аспект в 1991–2022 гг.» автор обращается к проблемам использования историко-культурного наследия Строгановых в государственной политике. Параграф 3.1. содержит скрупулезный анализ существующих практик коммеморации рода Строгановых на общенациональном уровне. В параграфе 3.2. рассматриваются разнообразные формы актуализации строгановского наследия в культурной политике Пермского края. Наконец, параграф 3.3. посвящен обоснованию ряда

практических рекомендаций, связанных с реализацией «строгановского проекта». Рассматривая перспективы «строгановского проекта», автор делает важный вывод: «Память о Строгановых фактически выпадает из половины “Строгановского региона”. Эти территории практически не рассматриваются как пространство строгановской культуры. В большинстве своем там сохраняются объекты материального наследия Шуваловых, Лазаревых, Шаховских и др., работа с идентичностью выстраивается через их образ. Пространство с такими крупными городами, как Лысьва, Губаха, Нытва и др., имеющими сегодня большое значение для Пермского края, можно считать территориями почти утраченной строгановской традиции» (с. 182).

В заключении предлагаются основные выводы диссертации. Автор делает следующие выводы: несмотря на значительное давление, осуществлявшееся в годы советской власти, в Прикамье сохранилась преимущественно положительная память о Строгановых; публичное значение этого «символического капитала» артикулируется усилиями разнообразных групп, занимающихся «производством исторического продукта» при помощи весьма разнообразных практик публичной истории. Хотя в наиболее концентрированной форме этот «строгановский проект» воплощается в Пермском крае, в целом интерес к Строгановым рос в общенациональном масштабе, став частью «общей линии государственной культурной политики». В силу этого Строгановых, по мнению автора, можно считать брендом и, следовательно, «фактором развития территории», хотя эффективность этого фактора в значительной мере лимитирована организационной и тематической непоследовательностью реализации «строгановского проекта», наличием влиятельных конкурирующих образов и версий исторической памяти. Приложения, сопровождающие диссертацию, содержат немало интересных материалов, значимых, кроме прочего, с сугубо практической точки зрения.

В целом, работу В.Я. Призюка следует оценить высоко. Автор проделал огромную работу, суммировав самые разные формы актуализации

строгановского наследия и применив для этого весьма разнообразные методы. Материал, собранный и проанализированный диссертантом, своеобразен, что определяется своеобразием тематики его диссертационного исследования, но он, без сомнения, ценен.

Наряду с общей положительной оценкой работы оппонент должен высказать ряд критических замечаний, связанных главным образом с методологическим базисом диссертации. Конечно, автору оказалось достаточно трудно дистанцироваться от предмета исследования; диссертант сам является участником «строгановского проекта». Важно подчеркнуть: подобная вовлеченность не снижает ценности работы – напротив, она формирует ее специфический, актуальный характер. Но, как это часто бывает, слабые стороны работы являются продолжением ее сильных сторон.

Автор активно критикует «советское представление» о Строгановых. К сожалению, в диссертации отсутствует содержательная характеристика этого «представления», хотя в очерке по историографии имеется ряд емких наблюдений на этот счет. Оппонент должен отметить, что критическое отношение к Строгановым вряд ли можно однозначно считать продуктом целенаправленной исторической политики советской власти. Как показывает кейс другого влиятельного рода заводчиков – Демидовых – критический консенсус о старом «горнозаводском Урале» сложился в демократической литературе 2-й половины XIX в., в творчестве таких писателей, как, например, В.И. Немирович-Данченко, Ф.М. Решетников или Д.Н. Мамин-Сибиряк. Критика крепостного хозяйствования на Урале и заложенной этим хозяйствованием отсталости региона были чрезвычайно широко распространены в публицистике и печати предреволюционных десятилетий. У нас нет сомнений в существовании такого концепта, понятия как «строгановский регион». Но представляется некорректным рассматривать это понятие как прямую проекцию реально существовавшего строгановского майората. Ведь остается неясным, каков конкретно был культурный механизм, позволявший строгановским вотчинам оказывать постоянное и

мощное влияние на владения своих соседей-заводчиков, на старинные города и, главное, на город Пермь, с конца XVIII столетия становящийся губернским центром. Автор игнорирует такой важный для Прикамья культурный фактор, как существование старинной и могущественной Пермской епархии, игравшей важную культурную роль. В данной связи оппонент полагает, что более обоснованным было бы в параграфе 1.1. проследить не только историю «строгановского региона» как социально-хозяйственного вотчинного комплекса, но и дать характеристику того, как формируется дискурс о Строгановых, как и почему именно к Строгановым – а не к Шуваловым или, например, епископам Пермским – оказывается «приписано» Прикамье. В частности, было бы интересно прочесть о той роли в постулировании «строгановского региона», какую сыграли В.А. Волегов, А.А. Дмитриев, А.Е. Теплоухов и другие представители пермской интеллигенции XIX в. То же касается и интеллигенции 1980-х – 2000-х гг., прежде всего Г.Н. Чагина или В.В. Мухина, а также целой плеяды специалистов по истории искусства и архитектуры, внесших определяющий вклад в развитие «строгановского проекта» как мощной историко-мемориальной инициативы. Автор, конечно, упоминает деятельность этих и других краеведов и культуртрегеров Прикамья, но большая системность в обращении к этой проблеме дала бы больший эффект.

Автор утверждает, что у жителей «строгановского региона» сформировалась собственная идентификационная матрица, которая смогла пережить советский период и стать основой для полномасштабного возрождения интереса к Строгановым. Неудачным надо признать вывод автора о том, что «когда было нужно, люди умалчивали о своем настоящем отношении, а когда времена сменились, оказалось, что процент тех, кто с самого начала негативно относился к “эксплуататорам” Строгановым, находится в районе 5%» (с. 89). Ведь буквально страницей ниже автор констатирует: «Возможно также допустить, что некоторым представителям старшей возрастной группы не хотелось в наши дни – благосклонные к

Строгановым – поднимать свои первые впечатления, или они в результате переосмысления историко-культурной роли рода Строгановых, которое пришлось на 1990-е – самое начало 2000-х годов, оказались вытесненными последствиями данного поворота памяти – в таком случае новый пласт воспоминаний стал накладываться на предыдущий» (с. 90). Оппонент полагает, что в данном случае второй из цитированных фрагментов методологически содержательнее, нежели первый. Он выводит на проблему механики формирования исторических представлений.

В этой механике важную роль играют не только идейные конструкты, но и социально-экономический контекст. Так, В.Я. Призюк справедливо подчеркивает, что в Березниках, на базе Усолья, функционирует один из ключевых центров «строгановского проекта». Однако сам локус – «место памяти», по определению диссертанта – не является чем-то неизменным, так как социально-хозяйственный ландшафт этой центральной части «строгановского региона» кардинально изменился в XX в. Рядом с Усольем возник большой город Березники, опиравшийся на хозяйственную мощь горнодобывающего калийного комплекса и химического комбината, возведенного в годы первых пятилеток на базе содового завода фирмы «Любимов, Сольве и Ко». Это хозяйство не имело прямого отношения к строгановским заводам; более того, оно им противопоставлялось (например, в принципиально важном для истории самоидентификации Березников очерке К.Г. Паустовского «Геологический кулак»), как новое и технологически совершенное – старому и отжившему. В этом ландшафте, сформированном в условиях советской индустриализации, возникли культурные институции и ресурсное изобилие, позволившее в условиях распада советского социализма возродиться интересу к Строгановым, ставшему базой для целого «строгановского проекта». Но ведь до формирования этого ландшафта «строгановская цивилизация» имела совершенно иной облик! Ведь автор сам подчеркивает: половина бывшего «строгановского владения» практически утратила память о Строгановых,

поскольку хозяйственное milieu этих городов (Лысьва, Губаха и другие) сложилось в эпоху, когда данные центры уже не были связаны со Строгановыми.

Это же касается и патернализма Строгановых: помимо предполагаемой памяти о практиках строгановского хозяйства, масса обитателей Прикамья в повседневной жизни имела дело с патернализмом советских предприятий. Неясно, почему сохраниться в памяти должен был строгановский патернализм, затрагивавший тысячи человек, а не патернализм начальников гигантских химических, нефтеперерабатывающих и горнодобывающих предприятий Прикамья, затрагивавший сотни тысяч людей – стандартный патернализм государственной промышленности планового хозяйства, сложившийся в контексте глобального явления фордистской производственной культуры. Поэтому – возвращаясь к собранным В. Я. Призюком материалам интервью и опросов – следует задаться вопросом: не проглядывает ли из-за патерналистского образа Строгановых иной образ, образ «красных директоров» социалистического Прикамья? В данной связи оппонент полагает, что продуктивным для автора в методологическом отношении стало бы использование концепции истории понятий, уделяющей главное внимание риторическим стратегиям, формируемым конкретными языковыми средствами с учетом коммуникативных целей акторов. Это бы позволило избежать двойственности: у автора историческая память о Строгановых предстает то в виде объективно существующей культурной «матрицы», создавшейся в эпоху «строгановской империи» и пережившей советские попытки собственной ликвидации, то в виде более пластичной, многомерной системы взглядов, складывавшейся под влиянием многих факторов. Оппонент считает второй подход методологически, концептуально и эвристически более обоснованным.

Высказанные выше критические замечания не снижают общей оценки работы. Диссертация Виталия Ярославовича Призюка является

самостоятельным, содержательным исследованием в области изучения историко-культурного наследия рода Строгановых, а также форм актуализации этого наследия. Диссертация Виталия Ярославича Призюка «Род Строгановых в культурной политике и практиках публичной истории Пермского Прикамья на рубеже XX – XXI веков» отвечает требованиям п.п. 9, 10, 11, 13, 14 Постановления Правительства РФ «О порядке присуждения учёных степеней» от 24 сентября 2013 г. № 843 (в ред. 26.10.2023 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор – Виталий Ярославич Призюк – заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – отечественная история. Отзыв дан в диссертационный совет 72.2.007.08 на базе Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Даю согласие на обработку персональных данных и размещение в информационно-коммуникативной сети Интернет.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история),
доцент, ведущий научный сотрудник
федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург, 620108, ул. С. Ковалевской, 16
<http://www.ihist.uran.ru/>
тел.: +7(343)3745340
e-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Константин Дмитриевич Бугров

Подпись Ч.Д.

СПЕЦИАЛИСТ ПО

17.01.2024

